Когда точно я впервые осознала свои истинные чувства? Это любовь между двумя людьми с разным положением. Род Ханаёри поклялся до самой смерти защищать дом, где родился Глен-сама. А что касается меня, я происхожу из того самого рода слуг. Таким образом, это была любовь, которой определенно не следовало существовать. Все так, как и должно быть. Десять лет назад в тот самый день все взяло свое начало с одного случая.

— Глен-сама, у Вас все в порядке? — я назвала своего господина по имени.

Я тогда не знала, что сказала это слишком тихо, потому что, как оказалось, Глен-сама не заметил меня. В спальне в особняке Ичиносэ. За раздвижной дверью я услышала стоны боли, исходящие от Глена-сама. От отца я узнала, что вчера мой господин Глен попал в беду, его избили хозяева из рода Хираги. Он получил не только несколько переломов, его лицо было все в синяках, а тело горело от сильного жара. Разумеется, как слуги рода Ичиносэ, род Ханаёри тоже был вызван для обсуждения будущих мероприятий. И мне, воспитывавшейся исключительно для того, чтобы заботиться о Глене-сама, было приказано всегда оставаться с ним. Но мне было около пяти лет тогда. Я не понимала, о чем говорили взрослые, и даже сильного чувства преданности моему господину мне совершенно недоставало в то время. Проще говоря, мои родители, приведшие меня в этот мир, только служили роду Ичиносэ, а у меня были сомнения, хочу ли я этого. Но я должна была. Я следовала приказу. Слушая страдальческий плач мальчика за раздвижной дверью, я испытывала только жалость к нему, а не гнев на тех, кто обидел его. Но это была моя миссия. Мои родители дали мне задание поухаживать за ним. Я спросила его еще раз:

— Глен-сама, Вам больно?

Как только я это сказала, то услышала звук какого-то удара, раздавшийся из комнаты. Я застыла на миг, но после отреагировала верно. Неужели что-то случилось с моим господином? Я немедленно встала, моя рука уже была готова открыть дверь. Это инстинктивное действие было результатом моего обучения и воспитания и вовсе не из чувства преданности ему. Мое тело было натренировано, чтобы защищать Глена-сама. Я положила ладонь на раздвижную дверь и медленно, осторожно открыла ее. В следующее мгновение я услышала еще один такой же звук, словно кто-то ударялся о пол. В зазоре между дверью и стеной я увидела источник шума. Глен-сама, выползший из-под своих одеял, сильно бил кулаком по коврику татами. Этот пятилетний мальчик с переломанными костями и синяками по всему телу снова и снова ударял коврик татами, его лицо почти не выражало никакой боли.

— Черт, черт побери! Это все из-за того, что у меня нет никакой силы…

В эту секунду он заметил меня. И я никогда не забуду то выражение лица Глена-сама. Нет, если быть точной, я не забуду его глаза. Его невероятные черные глаза, всецело полные ненависти, но все еще такие гипнотизирующие. Глен-сама плакал. Его лицо было залито слезами, и он так горестно рыдал от боли и одиночества. Но в то же время я услышала голос Глена-сама.

— Саюри, это ты?

— Да.

— Открой дверь. Я уже проснулся.

— Хорошо, — заслышав его приказ, я снова положила руку на раздвижную дверь, но не хотела ее открывать полностью. Увидев своего господина плачущим так горько, я чувствовала себя очень неловко и не знала, что делать. А еще я впервые в жизни видела, чтобы мальчик моего возраста так рыдал. Пока я колебалась с открыванием двери, она уже была сдвинута изнутри, и Глен-сама вышел. Я подняла голову, чтобы взглянуть на него, и поняла, что слезы больше не катятся по его лицу. Оно было покрыто кровоподтеками и ушибами, и мальчик выглядел так, словно ему вообще нельзя было вставать с постели из-за травм, но мой господин посмотрел на меня сверху вниз и сказал:

— Я заставил тебя волноваться. Сейчас ты можешь идти обратно.

— Но…

Я была неспособна его остановить, ведь он уже выбежал из комнаты, и я решила, что лучше последую за ним. Глен-сама босиком вышел на задний двор и бесстрастно посмотрел на небо. Я все еще ясно помню полумесяц на небе той ночью. Он выглядел точно так же как полумесяц на эмблеме религиозной организации, к которой мы принадлежали, «Имперская Луна», такой тонкий и отчетливый, что, казалось, можно было поцарапаться, коснувшись его. Уставившись на него, Глен-сама сказал:

— Саюри, как долго я спал?

— Целый день.

— И ты все это время стояла под дверью комнаты?

— Да.

— Тогда я действительно доставил тебе беспокойство. Ты можешь идти домой.

— Нет. Присматривать за Гленом-сама — это моя обязанность, — я покачала головой в ответ на его слова, но не ожидала, что он от этого рассмеется.

— Хах, обязанность? Как может ребенок испытывать преданность?

Я почувствовала злость, когда он это сказал. Я хотела возразить ему, что он тоже еще ребенок. Взрослые каждый день учили меня, что я должна быть верной Глену-сама. Ценность моего существования зависела от уровня моей преданности, оказываемой Глену-сама. Но он на

самом деле сомневался в моей лояльности, и что это значило? Как бы отвечая на мой немой вопрос, он обернулся и произнес:

— Прости за то, что я сказал. Я чувствую смущение из-за того, что ты только что видела меня плачущим. Я позволил тебе наблюдать такое отвратительное зрелище. Несомненно, иметь такого растерянного господина — это очень унизительно для любого подчиненного. Я обещаю, что этого больше никогда не случится, прости меня, Саюри, — и после того, как Глен-сама закончил говорить, он застенчиво улыбнулся.

В этот самый момент решилась моя судьба. Я отлично знала, какую тяжкую ношу приходится нести моему господину, знала о его обязанностях как будущего главы «Имперской Луны». И все было вовсе не из-за этих разумных причин. Разумеется, я начала медленно влюбляться в него. Мальчик рядом со мной, с которым мы были одного возраста. Мальчик с прекрасной улыбкой, по-видимому, такой хрупкий, и чем печальнее он был, тем сильнее становился. Вот так прошло десять лет, но мое сердце чувствовало то же самое. И с того самого дня я больше никогда не видела Глена-сама плачущим. Он стал силен настолько, чтобы полностью соответствовать положению следующего главы рода Ичиносэ, но все это время я всегда думала, что он чувствовал себя немного одиноким. Я всегда думала, что, может быть, он никогда не расскажет мне о своих истинных чувствах. И только несколько лет назад я узнала о том, что случилось в тот день. Оказывается, дочь рода Хираги, Хираги Махиру, была той, кого отверг Глен-сама. Любовь между двумя людьми с разным происхождением. Любовь между двумя людьми с разным положением в обществе. Когда бы я об этом не думала, я не могла уснуть. Но по крайней мере:

— Я всегда смогу быть с Гленом-сама, чтобы защищать его, — тихо пробормотала я сегодняшним днем, прижимаясь еще теснее к моему господину.

Это был наш путь к школе. В конце дороги к Первой старшей школе Сибуи, принадлежавшей роду Хираги, где каждый был нашим врагом. Если я стану идти еще ближе к Глену-сама, он совершенно точно скажет мне:

«Эй, Саюри! Мне уже трудно идти из-за тебя.»

«Но если я Вас оставлю, то не смогу защитить!»

«Все нормально. Отойди хоть немного. Ты под ногами путаешься.»

Но я сделала еще шаг ближе к Глену-сама. Он поднял бровь:

— Серьезно, моя собственная слуга меня совсем не слушает.

— Э-хе-хе ♡

— Нечего тут хихикать. Просто уйди с дороги.

— Не могу. Если я Вас брошу, то не смогу защитить моего господина…

— Прекрати!

Увидя разочарованное лицо Глена-сама, я не смогла сдержать смех. Все было как прежде, и я была в порядке. И сегодня я справлюсь с этим. До тех пор, пока Глен-сама не встретит женщину, предназначенную судьбой, чтобы быть с ним. До тех пор я его не оставлю.

http://tl.rulate.ru/book/51601/1298467